

вовавшие в те годы, естественно, не могли не найти отражения в его труде, и в определенной мере он несет на себе их печать. Однако прошедшие с того времени десятилетия, наполненные творческими исследованиями и дискуссиями, отнюдь не умалили значения книги А. В. Мишулина; выдвинутые в ней проблемы и положения, независимо от согласия или несогласия с тем решением, которое давал им автор, и ныне волнуют научную мысль.

Последние годы своей жизни А. В. Мишулин посвятил изучению истории древней Испании. С 1939 г. он организует публикацию в ВДИ материалов к истории Иберии, предпосылая им свою статью «Испания в памятниках античности». Исследуя проблемы иберийского рода и его эволюции в древней Испании, он доказывал, что Испания прошла в своем развитии обычный путь, весьма близкий к тому пути, который отличал развитие древних греков и римлян. История древней Испании была предметом его многолетних штудий, завершившихся написанием докторской диссертации, защищенной им. в годы Отечественной войны, но увидевшей свет уже посмертно («Античная Испания», М., 1952).

Как заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР и профессор кафедры античной истории МГУ он уделял много внимания вопросу подготовки кадров советских историков античности. Молодые ученые всегда находили у него серьезную поддержку в своих начинаниях. Он горячо ратовал за развитие исторического образования, всемерно ему содействовал и немало сделал в этом направлении, сочетая свою научную и общественную деятельность с большой педагогической работой в Московском университете, в Педагогическом институте им. К. Либкнехта (теперь МГПИ им. В. И. Ленина) и в ВПП при ЦК КПСС.

Нельзя забывать и того большого труда, который вложил А. В. Мишулин в написание учебника по древней истории для средней школы. Особо следует отметить его постоянную заботу о «Вестнике древней истории», которым он руководил до самой смерти.

Неутомимый, постоянно ищущий историк, влюбленный в свое дело, всемерно отстаивавший интересы науки об античности, широко пропагандировавший ее актуальность и необходимость глубокого изучения наследия, оставленного нам древними, таким был А. В. Мишулин и таким он остается в памяти своих коллег, учеников и друзей.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО И. М. ДЬЯКОНОВА В РЕДАКЦИЮ ВДИ*

Свое письмо¹ по поводу моей статьи «Западные кварталы Лагаша» (ВДИ, 1968, № 3) И. М. Дьяконов начинает обращением к специалистам по западной античности. Можно ли себе представить, восклицает он, «что в северо-восточной части Афин понятие „герой“ обозначалось термином ἥρως, а в юго-западной — термином πολίτης; а понятие „царя“, соответственно, термином βασιλεὺς в северо-восточной и βασιλεύς в юго-западной?» Так И. М. Дьяконов оспаривает мой вывод о дуальной организации лагашской общины, которая, как он заявляет, «существует только в воображении автора» (т. е. А. Г. Кишкина).

Исторические параллели — вещь хорошая, но чтобы пользоваться ими, надо знать, где их следует искать. Поэтому предлагаю И. М. Дьяконову обратить внимание на ранний Рим, который гораздо ближе Шумеру, чем Афины. Так вот, в раннем Риме дуальная организация дает себя знать достаточно четко и притом в формах, очень близких лагашским. Между прочим, у римлян, как и в Лагаше, существовали два термина для обозначения понятия «гражданин» — *civis* и *quiris*, причем первоначальное значение *civis* — «воин» (ср. лагашское *šul* — «герой», «муж» в смысле «доблестный воин»). Термин *quiris* связан с культом бога Квирина и холмом Квиринал, на котором находился храм последнего. Рядом же, на холме Палатин, существовали два термина, почитавшая бога Марса. И Рим возник в результате слияния палатинской (юго-западной!) и квиринальской (северо-восточной!) общин. Боги Марс и Квирина слились в единое божество, но два термина для обозначения римских граждан остались, став синонимами. Следы дуальной организации сохранялись в Риме до очень позднего времени. Так, например, существовали палатинские и квиринальские *salii* («скакуны»), *Iurerci* («волки») квинктийские на Палатине и фабиевы на Квиринале. Во время ежегодного принесения в жертву октябрьского коня на Марсовом поле происходили состязания из-за лошадиной головы между жителями двух улиц, лежавших на границе двух половин древнейшего Рима, — Субуры (северо-восточной) и Священной улицы (юго-западной). Все римские трибы были двойными и делились на *priores* и *posteriores*. Существовали три пары весталок, двое Ларов на каждой улице, двойной состав легиона и гражданской конницы, двойное число военных трибунов и т. д.²

Может быть, И. М. Дьяконов и теперь будет утверждать, что дуальная организация чужда западной античности и существует вообще только в воображении А. Г. Кишкина?

«eme-KU и eme-SAL, — утверждает И. М. Дьяконов, — это не диалекты двух фратрий в Лагаше, а общешумерские „мужской язык“ и „женский язык“». Очевидно, он всерьез полагает, что шумерец обращался к своей жене на eme-KU, а та отвечала ему на eme-SAL, и они отлично понимали друг друга. Ну, а как тогда следует толковать прочие шумерские языки: eme-gal, eme-sukud-da, eme-suh-a и т. д.? Кто же говорил на них? Эти языки были диалектами древнейшего протошумерского языка в VI—IV тыс. до н. э. На основе их в конце IV тыс. до н. э. возникли два диалекта общешумерского языка — eme-SAL («женский язык», или eme-temen-nàd «язык, лежащий в основе») и eme-KU («мужской язык», или eme-si-sá «праведный язык»). Они сосуществовали во всем Шумере, и это сосуществование нельзя объяснить иначе, как существованием дуальной организации в каждом шумерском городе.

Далее И. М. Дьяконов поучает: «... *Sul-pa-è* — божество общешумерское, а не специально божество какой-то части Лагаша». Однако интересно, откуда взялся общешумерский пантеон? Судя по всему, И. М. Дьяконов полагает, что сначала существовали общешумерские боги, которые затем превратились в местных богов. На самом же деле все было как раз наоборот: сначала были только племенные и родовые боги,

* Редколлегия ВДИ отмечает, что среди писем, поступающих в журнал, многие посвящены полемике по научным вопросам. Каждое такое письмо естественно вызывает ответ, а ответ, в свою очередь имеет тенденцию вызвать новое письмо и т. д. и т. д. Редколлегия ВДИ не считает данный способ полемики наиболее удачным и приемлемым, тем более, что авторы имеют, как известно, полную возможность не только высказывать свои точки зрения, но и полемизировать с любой точкой зрения в своих исследовательских статьях или рецензиях. Редколлегия ВДИ.

¹ ВДИ, 1969, № 3.

² Более подробно И. М. Дьяконов может прочитать об этом хотя бы в книге: Т. Моммзен, История Рима, т. I, М., 1936, стр. 48—83.

из которых по мере этнической консолидации шумеров сложился общешумерский пантеон. Если И. М. Дьяконов не согласен с этим, то как он объяснит действия уммийского царя Лугальзаггеси и его воинов, грабивших храмы Лагаша? Может быть, он серьезно считает уммийцев атеистами, разорявшими храмы общешумерских, т. е. и своих собственных, богов? Поэтому И. М. Дьяконову все же придется прибегнуть к «усилию воображения» и поискать то место, где первоначально чтился бог Шульпаэ, и в этом случае ему едва ли удастся пройти мимо северо-восточной части Лагаша.

И. М. Дьяконову не нравится мой перевод слова *nin*. В позднюю эпоху оно действительно значило «большой, главный» (в любом роде), а как имя существительное — «государь». Но И. М. Дьяконов, очевидно, забыл некоторые особенности шумерского языка, в частности отсутствие в нем грамматической категории рода. Так, слово *dam* в зависимости от контекста значило и «муж» и «жена». В архаическую эпоху, когда дуальная организация общин была не пережитком, а нормальным явлением, слово *nin* употреблялось в документах как синоним слова *lugal* («царь») и порой даже чаще его. Поэтому, учитывая дуальную организацию Лагаша и других шумерских общин, *ĝir-nin* нельзя переводить иначе, как «дорога царицы»; *nin* в данном случае — понятие, противоположное понятию *lugal* («царь»), о чем и говорится в моей статье. Ссылка И. М. Дьяконова на значение слова в аккадский период не является достаточным аргументом, так как, во-первых, оно относится ко времени на тысячелетие позже и успело приобрести иной смысл, а во-вторых, аккадский язык, как и все семитские языки, знал грамматическую категорию рода.

Особое недовольство И. М. Дьяконова вызывает карта в моей статье. Он недоумевает, как могли разместиться на холмах Телло все храмы и объекты многолюдного Лагаша, забывая при этом, что площадь шумерских городов и размеры их построек были, с современной точки зрения, весьма миниатюрными. Так, город Урук (руины Варка) занимал площадь 2600×2280 м (592,8 га), город Умма (руины Дикхоа) — 1400×1200 м (168 га), город Шурушак (Фара, руины Шатт эль-Кар) — 1600×1400 м (224 га), город Эриду (руины Абу-Шахрейн) — 230×230 м (5,29 га), город Ур (руины Мукайр) — 2500×2000 м (500 га), города Киш и Хурсаг-каламма (руины Ухаймир) — 800×800 м (640 га). Таковы бесспорные данные, добытые археологами. И в каждом таком городе — тоже бесспорно — размещалось не меньшее число объектов, чем в Лагаше, против чего И. М. Дьяконов едва ли может возражать. К тому же, достаточно известен такой документ, как 3 HSS—42, в котором перечислены объекты от «Внешних ворот» (*ká-bar-ra*) до «Храма морской пучины» (*é-engur-ra*) и «Могучего склада» (*gaup-ma*) в лагашском квартале Уру, сооруженные при *патеси* Энаннатуме I и Энмене в начале XXIV в. до н. э. Указанные в этом перечне объекты имели следующие размеры: храм Эшаг — $3,71 \times 3,71$ м; храм Э-энгурра — $2,64 (2,23) \times 5,02$ м; Ганун-мах — $7,92 (6,93) \times 5,94$ м. Ганун-мах вплотную примыкал с одной стороны к храму-кухне, а с другой был в непосредственной близости от храма *pi-gur*, т. е. по соседству от храмов, перечисленных в начале и конце рассматриваемого перечня. Таким образом, весь этот комплекс объектов, указанных в документе 3 HSS—42, занимал территорию, длина которой при максимальном допущении не превышала 100—150 м. И комплекс этот составлял городской квартал Уру. Точно таким же скученным был и юго-западный квартал, занимавший территорию между холмами M и L (расстояние между ними — 150 м), на которой располагались храмы Гигир, Багара, Э-Гатумдуг, Ибгал храма Эанны, Шагпада и др., о чем свидетельствуют документы RTC—47, DP—53 и DP—43. Подробнее документ 3 HSS—42 исследуется в моей еще не опубликованной статье «Восточные кварталы Лагаша». Эти свидетельства И. М. Дьяконов не может не учитывать, если он не будет исходить только из современного состояния территории средней части Ирака.

А теперь обратимся к конкретным возражениям И. М. Дьяконова по поводу содержания карты.

Первое возражение вызывает «Пограничный канал богини Нанше», который, по мнению И. М. Дьяконова, должен был находиться обязательно на границе государства Лагаш. При этом он искажает содержание моей карты, так как на ней «Пограничный канал богини Нанше» показан доходящим только до храма Антасурры на северной окраине Лагаша, где он разветвлялся на каналы Луммадимдуг и Ид-Сираггин, которые пересекали Лагаш.

Второй объект возражений И. М. Дьяконова — Пубанишуб (*pú-ba-ni-šub*). Вслед за другими шумерологами я считаю, что так назывался водоем в Лагаше. И. М. Дьяконов предлагает новое чтение *pú-ba i-šub* и по этому случаю дает свой перевод отрывка из текста «Плач об Урукугине» (Ukg. 16.VII, 1—6). Прежде всего, непонятно, над чем И. М. Дьяконову «пришлось так долго ломать голову»: ведь приведенная им транслитерация упомянутого отрывка дословно списана с транслитерации Ф. Тюрро-Данжена, опубликованной в 1907 г. в его работе «Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften». При этом И. М. Дьяконов допускает ошибку, непростительную для шумеролога 1969 г.: он пишет *za-gín* вместо *za-gin* («ляпис-лазурь»). Он, видимо, забыл, что в 1927 г. тот же Ф. Тюрро-Данжен ввел новую систему транслитерации, которой с тех пор следуют все шумерологи. Кстати, именно с этого времени было принято чтение

pu-ba-ni-šub, которое рассматривается всеми шумерологами как топографическое название.

Перевод И. М. Дьяконовым отрывка надписи Ukg. 16, VII, 1—6 дается впервые: «в храме богини Амагештин они совершили убийство, у Амагештин они отняли ее серебро и лазурит и бросили в его (т. е. храма) колодец». Никакой аргументации в пользу этого перевода И. М. Дьяконов не дает, а она необходима хотя бы потому, что в его переводе отсутствует элементарный смысл. В самом деле, по И. М. Дьяконову получается, что уммийцы, разграбив храм богини Амагештин, бросили награбленные сокровища в колодец этого же храма. Я лично не в состоянии понять, зачем они это сделали. Может быть, И. М. Дьяконов не откажет в любезности объяснить столь странные со всех точек зрения действия, которые он в своем переводе приписал уммийцам? Правитель Гудеа (2139—2112 гг. д. н. э.), например, награбленное добро в Аншане привез в свой храм бога Нингирсу в Лагаше.

Третий объект замечаний И. М. Дьяконова — NI-IS—KU BIR MU-TUKU BIR dUTU KI-AG(A). И. М. Дьяконов считает это выражение в тексте Гудеа Cyl. A, XIV, 25, «обрывками фразы», которую он пытается переводить. Однако все шумерологи, в том числе М. Ламбер, Турнэ, Р. Жестэн, А. Фалькенштейн и др., полагают, что это — название местности. В данном тексте речь идет о территории реформе, которую осуществил пачеси Гудеа накануне строительства храма Эннину около 2114 г. до н. э. Гудеа восстановил территориальное деление Лагашского государства на три области и восемь округов, впервые введенное еще Энтемной в начале XXIV в. до н. э. и затем упраздненное Уруквагиной в 2325 г. до н. э. Каждая из этих областей и каждый из этих округов носили специальные названия, которые приведены мною в карте.

Наконец, И. М. Дьяконов утверждает, что a-lu-š — «не название болота, как думает А. Г. Кифишин, а „яростная вода“, эпитет половодья». Но о каком половодье в данном тексте может идти речь? И почему болото не могло называться «яростной водой»? И. М. Дьяконов снова оторвался от контекста документа.

Следующее замечание И. М. Дьяконова направлено против моих переводов. О двух из них, переводах отрывков из надписей Ukg. 16, VII, 1—6, и Гудеа, Cyl. A, XIV, 25, уже шла речь. Остановлюсь теперь на третьем переводе, который И. М. Дьяконов привел в письме, — на переводе отрывка TCL, XV, 15, II, 10—13. И. М. Дьяконов возмущается тем, что я без должного пиетета отношусь к его предупреждению не пользоваться теми шумерскими текстами, которые он, И. М. Дьяконов, считает темными и неясными. Но текст TCL, XV, 15, II, 10—13, ему, надеюсь, достаточно ясен. Правда, он, по его словам, не нашел этого текста в библиотеках Ленинграда и потому пользуется моей транслитерацией. Это заявление весьма любопытно, так как полный текст документа TCL, XV, 15 имеется в монографии Д. Эдгарда. Впрочем, Д. Эдгард внес в транслитерацию документа свои коррективы, которые не кажутся мне убедительными, вследствие чего я продолжаю придерживаться транслитерации А. Фалькенштейна. В отличие от всех шумерологов, имевших дело с этим текстом, И. М. Дьяконов переводит его буквально. Так, сочетание знаков um-ta-a для него не вполне ясно, что, однако, не мешает ему с апломбом переводить его «на насыпи, на платформе». Он решительно возражает, что это название города Уммы³. Но имеется другой вариант документа TCL, XV, 15, который приводил А. Фалькенштейн, М. Витцель и Д. Эдгард и в котором вместо um-ta-a стоит название города Упи-Акшак! Отсутствие детерминатива при слове um-ta-a ни о чем не говорит, так как в этом же тексте название города Гирсу тоже пишется без детерминатива. Я просто диву даюсь, когда читаю в переводе И. М. Дьяконова слова: «на насыпи (?) кирпич(ного здания) „внутренней горы“ (т. е. зиккурата?)...». К сведению И. М. Дьяконова sig₄-kur-šag₄-ga («Кирпич внутри преисподней (гор)») — это название храма бога Энмешарры, отца бога Энлиля и убийцы божественного крокодила Гишбарэ (=Нуску), от имени которого произошли названия городов Уммы (giš-úh — «дерево крокодила») и Упи-Акшака.

Перевод И. М. Дьяконова не только неверен, но и бессмыслен. Действительно, что такое «внутренняя гора»? Разве есть еще и «внешняя гора»? И. М. Дьяконов до-

³ Из-за um-ta^{ki} у И. М. Дьяконова уже не раз возникали недоразумения и ошибки, когда он стремился доказать то, что явно противоречило фактам. Так, еще в 1962 г. он исправил мое чтение названия города ši-la^{ki} в документе RTC, 254 на zī-la^{ki}. Когда же в 1966 г. ему понадобилось оспорить это название города, он стал читать его как имя должностного лица zī-la-ki. Но при этом и название города Уммы тоже пришлось читать как имя должностного лица um-ta-ki, ибо вся фраза выглядит так: um-ta^{ki}... (ù) zī-la^{ki} i-dab₅ («(община) Уммы (и) (община) Зила привили»). Впрочем, недавно, опять увлекшись, И. М. Дьяконов стал исправлять в духе Халеви мое чтение имени La-ni-mu, в категорической форме предлагая семитское чтение la-lí-mu (LLM), хотя тексты дают многочисленные шумерские параллели: ba-ni-mu, ba-ni-a, da-ni-mu, da-ni-a, la-ni-mu, la-ni-a и т. д. (см. H. L i m e t, L'anthroponymie sumérienne dans les documents de la 3e dynastie d'Ur, P., 1968, стр. 106—109, 449).

пустил здесь ошибку. В шумерском языке есть такой оборот: *ab-ša₄-ga* «внутри моря» (а не «внутреннее море»), *an-ša₄-ga* — «внутри (вглубь) неба» (а не «внутреннее небо»), *kur-ša₄-ga* — «внутри горы» (а не «внутренняя гора») и т. д. Это явление вызвано переносом логического ударения в синтагме для усиления смысла главного слова. Я полагаю, что И. М. Дьяконову это было известно. В свете сказанного упреки И. М. Дьяконова по поводу моей якобы ученической манеры перевода выглядят довольно-таки странно. Во-первых, он упрекает меня за перевод шумерского *am* «это есть», уверяя, что такой перевод не принят среди шумерологов. Однако именно так переводил это слово в тексте «Кунус В/С Урукатины» такой маститый шумеролог, как акад. В. В. Струве⁴. Или, по мнению И. М. Дьяконова, мой покойный учитель не был достаточно компетентным в шумерском языке? Во-вторых, И. М. Дьяконов ставит мне в вину склонение шумерских имен собственных, например Гирсу. Но с таким же успехом и я могу спросить у И. М. Дьяконова, почему в письме он склоняет имя богини Баба? Или И. М. Дьяконову шумерские имена можно склонять, а мне нельзя?

И. М. Дьяконов пытается поставить под сомнение мое толкование топографических названий и таким путем внушить читателям, мало знакомым с существом дела, недоверие к моим выводам о топографии Лагаша. Так, он указывает, что несмотря на обилие ссылок на переводы других шумерологов я перевожу тексты самостоятельно, против чего он и возражает. Однако, не просмотрев те переводы, на которые я ссылаюсь, И. М. Дьяконов каждый раз начинает спорить не с моим переводом, а с переводами, сделанными до меня другими, аргументация которых, с моей точки зрения, достаточно убедительна. Его перевод слова *bānda* «юный, полный сил» в данном контексте, о котором идет речь в моей статье, невозможен: *abzu-bānda* — «малый океан», а не «юный океан», как уверяет И. М. Дьяконов. Перевод слова *ēg* «склон» предложен не мною, а М. Ламбером, так что И. М. Дьяконову, настаивающему на переводе «канал», надо прежде всего опровергнуть аргументацию М. Ламбера. Слово *ganu* — *maḥ* надо все-таки перевести «могучий склад», а не «главный склад», как настаивает И. М. Дьяконов, так как по-шумерски «главный склад» было бы *ganun-saḡ*. В пользу моего перевода, в частности, говорит имя правителя *nam-maḥa-ni* («Могущество его»). Последнее также говорит в пользу моего перевода *mu-ū-gum-ma-ni* «имя пмущественное его», а не «его собственное имя», и ни в коем случае не «имя могущества его», что мне приписывает И. М. Дьяконов. Слово *enḡar* я предпочитаю переводить «землепашец», а не «чиновник, ответственный за обработку участка казенной земли», потому что сомневаюсь в возможности доказать наличие в Шумере чиновников и казенных земель. О выражении *ġir-lun*, которое И. М. Дьяконов пытается перевести «большая дорога», уже говорилось выше.

И. М. Дьяконов напрасно считает, что отсутствуют данные о храме Эдам (см. надписи Ур-Нанше) и кедровой роще в квартале Кизш. Они опубликованы мною в автореферате диссертации в 1965 г., где я разбираю документ W—B 169 (стр. 16—17), о чем И. М. Дьяконову должно быть известно. Что же касается «загадочных кедров», против которых он спорит, то они, действительно, росли в Лагаше, судя по многочисленным документам, вполне реальным природным условиям того времени и искусству древних садовников. Таково, например, сообщение Энтемены о божестве Ниндаре, владельце кедровой рощи Хиенда, где росли белые кедр⁵.

По мнению И. М. Дьяконова, имена собственные нельзя использовать для локализации топографических объектов. Дело, однако, обстоит совсем не так, как ему кажется. Шумериец (как и вавилонянин) вовсе не мог носить какое попало имя, безотносительно места своего рождения и происхождения. Речь идет прежде всего об именах с теоформными компонентами. Вопреки мнению И. М. Дьяконова, имя Лу-Нингирсу в Лагаше могли носить только люди, связанные с храмом Нингирсу, а за пределами Лагаша такое имя вообще не встречается. Если И. М. Дьяконов возражает против этого, то как можно объяснить то, что даже в Новом Вавилоне (не говоря уже о более ранних эпохах) имена с теоформным компонентом «Нинин-» носили только урукиты, с компонентами «Лагамаль-» и «Ураш-» только жители Дильбата, а с компонентом «Нинурта-» по преимуществу ниншурцы. Поэтому, когда мы встречаем в деловых документах человека по имени Ур-Эдам — носильщика храма бога Иг-алима, то имеем право безошибочно утверждать, что между храмами Иг-алима и Эдам существовала тесная связь, в том числе и территориальная. То же самое касается и людей с именами Лугаль-паа и Тираша.

Мимо цели бьет и ссылка И. М. Дьяконова на перестройку храмов Лагаша. Они действительно перестраивались, но совсем не где попало, а на своих старых местах,

⁴ См. «Хрестоматия по истории древнего Востока», М., 1963, стр. 179.

⁵ Ср. H. de Genouillac, *Fouilles de Tellouh*, II, P., 1934, стр. 19, табл. XXXVIII. Впрочем, мирровое дерево в Египте не растет. Тем не менее царица Хатшепсут распорядилась привезти его из Пунта (Мелуххи) и посадить в Египте.

⁶ Так называемый археологами «храм Энки» в Эриду принадлежал в конце IV тыс. до н. э. богу Нергалу (Месламтаза), а не Энки, культ которого зародился лишь в эпоху Фары II (Шуруппака) в XXVI в. до н. э.

сохраняя свои традиционные названия (ср., например, многослойные руины храмов Эриду⁶ IV тыс. до н. э. и зиккурата бога Ану в Уруке IV—III тыс. до н. э.). Если даже то или иное строение превращалось в притвор или культовый объект соседнего разросшегося храма, то оно все же сохраняло свое прежнее название. Не только храмы, но даже и частные дома стремились строить и восстанавливать на старых местах. Именно так и возникали телли, хотя подчас можно было бы выбрать для строительства более удобные места. Поэтому заявление И. М. Дьяконова о том, что храмы Лагаша переносились с места на место, свидетельствует об игнорировании археологической литературы и огромного количества источников, не зная которые он просто не может.

И. М. Дьяконов уверяет читателей, что я-де не знаком с «основополагающей работой» А. Фалькенштейна по топографии Лагаша, но ни слова не говорит о том, что и А. Фалькенштейн, и я вели исследования параллельно. В своей кандидатской диссертации я закончил это исследование в 1964 г. на год раньше А. Фалькенштейна. Работа А. Фалькенштейна была опубликована в 1966 г. в недоработанном виде⁷. Моя же статья вышла в том виде, в каком она была написана в 1964 г. до публикации труда А. Фалькенштейна. А. Фалькенштейн ограничился перечислением источников, в которых упоминается тот или иной объект, не сделав даже попытки локализовать эти объекты, что сделано в моей статье.

О моем отношении к выводам Т. Якобсена достаточно сказано в тексте статьи. Поэтому попытка И. М. Дьяконова представить дело так, будто документы, опубликованные Мессершмидтом, не идентичны документам, изданным Дугерти, может вызвать у меня только улыбку. Рекомендую почитать рецензию Л. Матоуша на книгу А. Фалькенштейна, опубликованную в журнале «Archiv Orientalní» за 1967 г., где точно таким же образом Л. Матоуш оперирует этим же документом Messerschmidt 18⁸.

Свое письмо И. М. Дьяконов заканчивает возражением против музыкантов-инспекторов. Судя по всему, в его представлении шумерская музыка была чем-то вроде современных концертов, которые действительно были бы неуместны при рыбной ловле и резке тростника. Я не буду ссылаться на хорошо известные этнографические параллели о роли музыки, например у народов Тропической Африки. Ограничусь лишь более близкими моей теме примерами.

В нововавилонском документе YOS, VII, 71, составленном в Уруке 19 июля 531 г. до н. э., говорится о том, как 11 граждан во главе с высшими магистратами города ведут свыше месяца расследование по случаю того, что храмовые певчие (они же музыканты) 15 июня 531 г. до н. э. не в положенное время подали сигнал литаврами в воротах храма Эанна. Происшествие оказалось очень серьезным: своим несвоевременным сигналом певчие сбили весь ритм жизни такого города, как Урук. Позволительно спросить, каковы же были функции этих певчих? Они следили за нормальным порядком и ходом городской жизни, подавая литаврами условные сигналы, известные каждому жителю Урука. Следовательно, они и были музыкантами-инспекторами. Это произошло в VI в. до н. э. А спустя 127 лет, в 404 г. до н. э., афиняне, разгромленные в Пелопоннесской войне, срывали свои Длинные стены под звуки спартанских флейт. Интересно, как объясняет И. М. Дьяконов это музыкальное сопровождение, организованное победителями-спартанцами для побежденных афинян? Наконец, может быть, И. М. Дьяконов объяснит также, почему строительство дворца в Ниневии при Ашшурбанипале тоже сопровождалось музыкой и пением?

А. Г. Кифишин

⁷ Это видно хотя бы из того, что хронология II династии Лагаша в книге А. Фалькенштейна не продумана до конца. Так, начало правления Сиума, последнего царя гутиев, в книге А. Фалькенштейна относится к 2120 г., а не к 2124 г., как следовало бы даже по его собственным изысканиям. Точно так же и раздел территории Уммы в 2165 г. следовало бы отодвинуть на четыре года. Наконец, А. Фалькенштейн в спешке принял без всякой критики хронологическую схему Э. Сольберже, хотя знал о присущих ей крупных недостатках.

⁸ Ср. обзор И. Климь в «Bibliotheca Orientalia» (тоже за 1967 г.), в котором говорится о «реформах Гудеа» (праздник сатурналий не относится к ним)?!